Д.Н.МАМИН
СИБИРЯК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мамин-Сибиряк - подлинно народный писатель. В своих произведениях он проникновенно и правдиво отразил дух русского народа, его вековую судьбу, национальные его особенности - мощь, размах, трудолюбие, любовь к жизни, жизнерадостность. Мамин-Сибиряк - один из самых оптимистических писателей своей эпохи.

В первый том вошли рассказы и очерки 1881-1884 гг.: "Сестры", "В камнях", "На рубеже Азии", "Все мы хлеб едим...", "В горах" и "Золотая ночь".

Вступительные статьи Ф.Гладкова и А.Груздева.

Мамин-Сибиряк Д. Н.
Собрание сочинений в 10 т.
М., «Правда», 1958 (библиотека «Огонек»)
Том 1 — с. 13–38.

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- notes
  - Note1
  - Note2
  - Note3
  - Note4
  - Note5
  - Note6
  - Note7
  - Note8
  - Note9
  - Note10
  - Note11
  - Note12
  - Note13
  - Note14
  - Note15
  - Note16
  - Note17

○ Note18

В одной из своих статей М. Горький заметил, что русская реалистическая литература XIX века долгое время ограничивалась изображением жизни народа центральных областей России. Жизнь и быт отдаленных окраин страны оставались в значительной мере за пределами ее внимания. «Литературную географию» значительно расширили писатели-демократы второй половины века. Среди этих писателей видное место принадлежит Д. Н. Мамину-Сибиряку. Его творчество представляет собою глубоко правдивую художественную историю старого Урала и Приуралья.

Но было бы заблуждением считать Мамина-Сибиряка писателем областного значения. Это большой русский писатель. В его произведениях, построенных на материалах Урала и Сибири, ставились важные вопросы из жизни всей страны. Дооктябрьская «Правда» характеризовала Мамина-Сибиряка как художника большого социального звучания, в произведениях которого оживала «целая эпоха шествия капитала, хищного, алчного, не знавшего удержу ни в чем».[1] Его произведения — суровый обвинительный акт буржуазному строю. Миру капиталистического хищничества, алчности, тиранства противопоставлен в них поэтический мир людей труда, никогда не прекращающих борьбы за правду и независимость. Его романы, рассказы и повести укрепляли веру человека в неизбежность торжества социальной правды, веру в свои силы, будили мечту о лучшем будущем. «Несовершенство» нашей русской жизни — избитый конек всех русских авторов, но ведь это только отрицательная сторона, а должна быть и положительная. Иначе нельзя было бы и жить, дышать, думать… Нет, жизнь есть, она должна быть…», — убежденно писал он. Эту положительную сторону он открывал в жизни народа, в его труде и борьбе, в характере простого русского человека.

Очень высокими были представления Мамина-Сибиряка об общественной роли художника. Писатель, по его словам, должен обладать нравственной чистотой, равной чистоте «драгоценного металла, гарантированного природой от опасного окисления». Художественное творчество он сравнивал с рекою, которая должна брать начало из чистого источника и должна быть чистой, чтобы утолять жажду. Его литературный талант одним из первых заметил и высоко оценил великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин; мастерством Мамина-Сибиряка восхищался такой взыскательный художник, как Н. С. Лесков; о большой красоте и силе его произведений говорил М. Горький; ярким,

талантливым писателем называла Мамина-Сибиряка дооктябрьская «Правда».

Высокую оценку его творчества дал В. И. Ленин: «В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России».[2]

Произведения Мамина-Сибиряка долго замалчивала буржуазная критика, но они получили самую широкую популярность среди читателей из народа и передовой демократической интеллигенции. Эта популярность неизмеримо возросла в советские годы. Творчество Мамина-Сибиряка имеет высокую познавательную и эстетическую ценность, оно помогает современному читателю понять тяжелую жизнь народа до Октябрьской социалистической революции и представляет собою действенное средство разоблачения хищных нравов буржуазного мира.

1

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк родился 25 октября (6 ноября) 1852 года в Висимо-Шайтанском заводском поселке, Верхотурского уезда, Пермской губернии. Висимо-Шайтанский завод входил в состав Нижне-Тагильского горного округа, который принадлежал известной в истории уральской промышленности семье Демидовых. Отец Мамина, бедный заводской священник, был человеком независимого характера. Любовь к знанию и живой интерес к общественной жизни выделяли его из среды духовенства того времени. В конце 1850-х и в 1860-е годы он выписывал журнал «Современник» и внимательно читал статьи Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Живое участие Н. М. Мамин принимал в деятельности заводской школы, где в течение ряда лет он исполнял обязанности учителя общеобразовательных предметов. Известны его неоднократные попытки напечатать небольшие статейки о заводской жизни в местной уральской и в петербургской прессе. Несмотря на свои скромные средства, Н. М. Мамин собрал значительную домашнюю библиотеку, в состав которой входили сочинения Карамзина, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Гончарова и других русских писателей. Он руководил чтением своих детей и с ранних лет прививал им любовь к книге.

Первое знакомство Мамина-Сибиряка с книгой началось с чтения классиков русской литературы. За неимением детских книг родители читали детям Крылова, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Гончарова. С произведениями для детей мальчику удалось познакомиться значительно позднее; первой из детских книг в домашней библиотеке Маминых явился «Детский мир» К. Д. Ушинского, затем были прочитаны рассказы известных тогда детских писателей А. Е. Разина, М. Б. Чистякова и др.

Детские впечатления Мамина были широки и многообразны. В автобиографической записке писатель рассказывает, что его родители читали «Современник» Чернышевского, Некрасова и Добролюбова и он «еще детским ухом прислушивался в далеком медвежьем углу к отзвукам и отголоскам великого движения 50-х и начала 60-х годов».

Не менее значительную роль в формировании его сознания сыграли разнообразные жизненные наблюдения. Как вспоминал Мамин-Сибиряк, он пользовался «полной детской свободой» и не мог не видеть тяжелых условий труда и быта крепостных рабочих. Социальные контрасты в небольшом заводском поселке резко

бросались в глаза. С одной стороны, чудовищное богатство, праздность и непрерывные развлечения господ, с другой — изнурительный труд, бедность и нищета обездоленных фабричных мастеровых. Проявление дикого произвола заводской администрации, преследование и телесные наказания «неспокойных» мастеровых рано волновали сознание Мамина-Сибиряка. Он разделял сочувствие трудового населения к таким проявлениям социального протеста, как заводское разбойничество, в котором увидел впоследствии одну из форм борьбы крепостных рабочих с заводской администрацией. «В разбойники шли — писал он, — исключительно энергичные натуры, какие создаются в… жестокие времена слишком исключительными бытовыми условиями и служат живым протестом существующему порядку. Каждый почти горный завод на Урале имел таких разбойников, прославившихся громкими подвигами; теперь имена этих ярких протестантов окружены легендарными сказаниями и сделались достоянием народной фантазии».

Способность рабочей массы в той или иной форме выразить свой протест, оказать помощь людям, вступившим на путь борьбы с заводчиками, Мамин-Сибиряк рассматривал как существенное отличие заводского населения от крепостных крестьян.

Незабываемо яркие впечатления вызывала также уральская природа, с которой «связывалось представление воли, дикого простора» и широкого размаха.

Социальные контрасты, книги серьезного содержания, картины природы Урала вызывали вдумчивое отношение Мамина-Сибиряка к окружающей жизни, заставляли его рано задумываться над большими социальными вопросами.

В 1864 году родители попытались определить его в Екатеринбургское духовное училище. Мрачная обстановка бурсы так потрясла впечатлительного мальчика, что отец вынужден был взять его домой и в течение двух лет продолжать обучение домашним образом. Эти годы были заполнены по преимуществу чтением художественной литературы.

Екатеринбургское духовное училище, в высшее отделение которого Мамин был определен в 1866 году, сохранило в полной неприкосновенности дикие бурсацкие порядки, нарисованные Н. Г. Помяловским в известных «Очерках бурсы». Несмотря на то, что Мамин-Сибиряк учился в духовном училище после реформы этих учебных заведений, общая обстановка в них почти не изменилась. В отношениях между воспитанниками господствовал принцип грубой силы, в полной мере процветала жестокая бурсацкая педагогика, бурсаки не получали реальных знаний.

Мамин считал потерянными те два года, которые он провел в бурсе: «Екатеринбургское училище не дало ничего моему уму: не прочитал ни одной книги в продолжение 2-х лет и не приобрел никаких знаний».

По окончании духовного училища он в течение четырех лет (1868–1872) учился в Пермской духовной семинарии. «Отзвуки и отголоски» общественного движения 60-х годов которые доходили до Висимо-Шайтанского завода, проникли и в это учебное заведение. В начале 60-х годов в Пермской семинарии существовал революционный кружок, участники которого пытались вести антиправительственную агитацию на заводах Уральского горного округа. Участники этого кружка были обвинены в распространении нелегальной литературы — «ультрареволюционных сочинений против царя», в попытках установить связь с Герценом и Огаревым и с революционными группами других городов.

Ко времени поступления Д. Н. Мамина в семинарию кружок был разгромлен, многие его участники находились в далекой административной ссылке. Однако критическое отношение к действительности среди слушателей семинарии продолжало существовать. Семинаристам удалось спасти от разгрома нелегальную библиотеку, в которой имелись запрещенные для семинаристов работы Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Писарева, Милля, Луи-Блана, Н. Флеровского (В. В. Берви) и значительное число книг по естествознанию.

Уже в начале второго года пребывания в семинарии заметен повышенный интерес Мамина к общественной жизни. Он не только критически оценивал многие общественные явления, но настойчиво пытался выяснить причины социальной неправды.

По окончании четырех классов семинарии он уехал в Петербург с твердым намерением поступить в гражданское высшее учебное заведение. Разделяя распространенную среди передовой интеллигенции 70-х годов веру в освободительную роль естественных наук и подчиняясь желанию принять участие в жизни народа, Мамин в сентябре 1872 года поступил на ветеринарное отделение Петербургской медико-хирургической академии.

Эти годы отмечены подъемом движения революционного народничества. По приезде в Петербург Мамина буквально с первых дней захватили интересы и стремления передовой части студенчества. «Из Петербурга можно далеко видеть вокруг, чего никак нельзя достичь в провинции, — пишет он в письме к своему отцу вскоре по приезде в Петербург… — Мы не только имеем возможность получать из первых рук те идеи и мысли, которые

пропущены нашим правительством, но и те, которые не пропущены им».[3]

Захваченный бурным общественным движением, он принимал участие в студенческих сходках и собраниях, в результате чего в 1874 году над ним был установлен негласный полицейский надзор.

Литературные наклонности Мамина проявились довольно рано. «Я… с детства мечтал сделаться писателем» — вспоминал он в одном из писем. С шестнадцати лет записывал он наиболее интересовавшие его факты и события в записную книжку, с чтением своих сочинений выступал на литературных вечерах в духовной семинарии. Многие его письма этих лет представляют собою своеобразный лирический дневник, наполненный размышлениями о современной жизни и своем месте в ней.

В 1875 году в одной из петербургских газет он начал репортерскую работу и с этих пор на протяжении многих лет печатался в столичных и провинциальных газетах. На сотрудничество в газете Мамин смотрел как на одну из форм изучения жизни и активного воздействия на нее. «Я прошел тяжелую репортерскую школу. И земной ей поклон! — писал впоследствии Мамин-Сибиряк. — Она дала мне прежде всего знание ее подноготной, умение распознавать людей… Страсть окунуться в самую гущу повседневности…»

В том же 1875 году были напечатаны в мелких петербургских журналах его первые рассказы. По свидетельству племянника писателя, Б. Д. Удинцева, Мамин-Сибиряк «не любил вспоминать о них». В этих рассказах неблагоприятно сказалось влияние рассчитанных на мещанского читателя журналов, требовавших от авторов «закрученной темы, кровавых эпизодов, экстравагантной завязки».

Однако и в ранних, технически слабых произведениях Мамина-Сибиряка, написанных в духе мещанских журналов, заметны его симпатии к народу и стремление к правдивому изображению знакомого автору уральского быта. Молодой писатель вскоре понял, что работа для этих изданий «принижает его духовный уровень», что он рискует утратить «чуткость, язык, оригинальность», разменяться на мелочи.

Одно из своих произведений этой поры он передал в «Отечественные записки». Неутешительный для молодого автора ответ дал М. Е. Салтыков-Щедрин. После этой неудачи Мамин долго не выступал в печати, но все это время упорно и много писал, «вырабатывая» «свое собственное содержание», определяя свою авторскую позицию.

В тесной связи с литературными занятиями стоит переход

Мамина из Медико-хирургической академии на юридический факультет Петербургского университета. Здесь он намеревался изучить политическую экономию и общественные науки, знание которых полагал важным для писателя. В университете Мамин пробыл один год и вынужден был покинуть его из за тяжелой болезни, вызванной полуголодным существованием. После пятилетнего пребывания в Петербурге он в 1877 году уехал на Урал, где прожил до 1891 года. Здесь были написаны его известные «Уральские рассказы», романы «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Дикое счастье», «Три конца», пьесы «Маленькая правда», «Золотопромышленники» и другие произведения.

В январе 1878 года умер отец писателя, и на Мамина-Сибиряка легла забота о семье, потерявшей своего единственного кормильца. Снова, как в студенческие годы, началась погоня за куском хлеба, только уже не для одного себя, а для большой семьи. Не имея диплома об окончании учебного заведения, Мамин не мог найти постоянной службы и был вынужден заниматься изнурительной и неблагодарной работой репетитора. «Я три года по 12 часов в день бродил по частным урокам», — с грустью вспоминал он об этом времени.

К 1881 году относятся его неудачные попытки вторично поступить в университет. В Московский университет его не приняли, так как он на несколько дней опоздал подать заявление. Петербургский университет отказал в приеме потому, что в свое время (в 1876–1877 учебном году) Мамин был не в состоянии внести плату за обучение. Несмотря на все неудачи, он не падал духом и с завидной твердостью говорил: «…Я буду учиться наперекор всяким университетам». И действительно, он много и постоянно учился и все это время не переставал работать над своими произведениями.

2

Свои творческие неудачи студенческих лет Мамин-Сибиряк объяснял недостаточным знанием жизни и отсутствием технической опытности. Попытки заменить жизнь «игрой воображения» неизбежно вели к неудачам: действующие лица, по словам автора, «походили на манекенов из папье-маше», а все произведение напоминало «плохую выдумку неопытного лгуна».

Всестороннее знание жизни и тесную связь писателя с нею он считал одним из основных условий литературного творчества, «… как на величайшее зло укажем на централизацию авторов, — писал он в черновой заметке о литературной критике: — все тянутся в столичные центры, где необыкновенно быстро обесцвечиваются. Припомните Антея, который постоянно получал новую силу от соприкосновения с землей…».[4]

Мамин-Сибиряк придавал большое значение переходному периоду от своих ранних литературных опытов к зрелому реалистическому творчеству, когда он приступил к внимательному изучению жизни Урала и Приуралья в самых различных ее проявлениях. По приезде из Петербурга на Урал «перед его глазами выступила с особенной рельефностью бойкая и оригинальная жизнь этого края. Впечатления раннего детства, встречи и столкновения во время каникул, знакомства по охоте, затем путешествия вверх и вниз по реке Чусовой, странствования по приискам и заводам — все это теперь дополнялось новыми наблюдениями, знакомствами и личным опытом».

В своей автобиографии он выделил такие факты которые свидетельствовали, что пониманию современной жизни много способствовали его теоретические искания студенческих лет и участие в бурном общественном движении первой половины 70-х годов.

Это усилило в нем важное для писателя качество — стремление и способность видеть за внешними формами жизни ее глубокое внутреннее содержание.

О своеобразии своего изучения условий труда и быта рабочих-золотоискателей, например, он рассказал в очерке «Золотуха». «На первый взгляд кажется, что все эти люди, загнанные сюда, на прииск, со всех концов России одним могучим двигателем — нуждой, бестолково смешались в одну пеструю массу приисковых рабочих, но, вглядываясь внимательнее в кипучую жизнь прииска мало-по-малу выясняешь себе главные основы, на которых держится все. Шаг за шагом обрисовываются невидимые нити, которыми связываются в одно целое отдельные

единицы, и, наконец, рельефно выступает основная форма, первичная клеточка, в которую отлилась бесшабашная приисковая жизнь».

Его литературную работу характеризовало именно это плодотворное стремление выяснить коренные основы современной жизни, те «пружины, рычаги, шестерни» и «маховые колеса», которые приводят в движение современный социальный механизм.

Литературную деятельность Мамин-Сибиряк рассматривал как одну из форм служения народу, как боевое поприще, где сталкиваются различные интересы и решаются вопросы большой общественной значимости. «Кругом слишком много зла, несправедливости и просто кромешной тьмы, с которыми мы и воюем по мере наших сил». Свою литературную позицию он противопоставлял позиции тех писателей, которые охотно служили «золотому тельцу, дворянству, чиновничеству, псевдоинтеллигенции» и писали для людей салона. Он избрал основным содержанием своего творчества народную жизнь и стремился выработать соответственное литературное оружие.

В понимании цели и общественного назначения искусства Мамин-Сибиряк близок к писателям-демократам 60—70-х годов. Его стремление понять основные процессы и закономерности современной жизни на основе глубокого и всестороннего ее изучения, интерес к факту и непосредственное обращение к «источнику» как бы повторяли опыт В. Слепцова, Г. Успенского и других писателей-демократов, которые были верны «лучшим преданиям русской литературы».

В конце 1881 — начале 1882 года ему удалось напечатать в газете «Русские ведомости» большой цикл очерков «От Урала до Москвы». В этих очерках художественные сцены и картины соединяются с историческими справками, статистическими материалами, научно-экономическими выводами и соображениями. Автор очерков показал себя как прекрасный знаток условий труда и быта уральских рабочих самых различных профессий и как убежденный защитник их интересов. В очерках «От Урала до Москвы» было заключено такое богатство материалов, что писатель обращался к ним на протяжении многих лет своего творчества. С этими очерками тематически связаны романы «Горное гнездо», «Три конца», «Золото», историческая повесть «Охонины брови» и многие другие произведения.

Одним из первых его художественных произведений явился большой очерк «Сестры». При жизни писателя это произведение не было напечатано.[5]

В марте 1882 года журнал «Дело» поместил рассказ «В камнях», подписанный псевдонимом Д. Сибиряк. Этим произведением Мамин-Сибиряк вступил в большую литературу. Тема рассказа — осенний сплав на реке Чусовой — была хорошо известна автору по личным впечатлениям. В произведении нет ни развернутых описаний, ни более или менее развитого сюжета, это, в сущности, цепь ярких эпизодов из жизни сплавщиков, рассказанных действующими лицами.

В этом проявилась одна из особенностей многих рассказов и очерков Мамина-Сибиряка начала восьмидесятых годов. Так строится его большой очерк из уральской жизни «В горах», рассказ «В худых душах», в значительной мере «Золотуха» и др. В этих произведениях в роли рассказчиков выступают или сами действующие лица, или близкие к ним люди, с которыми встречается основной рассказчик — автор. Основному рассказчику отводится на первый взгляд небольшая роль: он кратко рисует обстановку, дает пейзажные зарисовки, портреты действующих лиц и выслушивает их различные истории. В роли рассказчиков в его произведениях выступают люди из народа, рассказам которых свойственна преимущественно эпическая манера.

В большинстве своих произведений Мамин-Сибиряк показывает жизнь в ее типических проявлениях сообщает читателю массу жизненного материала, создает колоритные образы, но весьма сдержанно выражает свои чувства, рассчитывая воздействовать на читателя логикой картин, образов и обстоятельств. Но при этом от читателя не скрыта и авторская позиция. Идеал красоты Мамина-Сибиряка близок к народному идеалу. Писатель любит жизнь, кипучую человеческую деятельность, силу, энергию. Поэтому в его произведениях действуют сильные, деятельные люди из народа, в которых писатель обнаруживает выработанный веками физического труда неиссякаемый запас ума, энергии силы и сообразительности. Симпатии Мамина-Сибиряка к этим людям особенно отчетливо проявляются в портретных характеристиках действующих лиц. Вот, например, «заводская косточка, тагильский мастеровой Афонька. Можно им залюбоваться. Ему едва минуло семнадцать лет, но какая могучая сила в этой белой груди…» Или раскольница Василиса Мироновна, «женщина, смуглая и немного худощавая, но с могучею грудью и сильными руками», ее помощник Савва Евстигнеич «так и просился на картину: ворот красной рубахи был расстегнут и открывал могучую, обросшую волосами, грудь; загорелая широкая шея точно была отлита из бронзы; седая окладистая борода и седые брови несколько

смягчали эту ничем не сокрушимую силу…». Так же характеризован и старик-золотоискатель Заяц: «Ему было пятьдесят с лишком, но это могучее мужицкое тело смотрело еще совсем молодым и могло вынести какую угодно работу».

Народническая литература создавала тенденциозный образ фабричного мастерового, чаще всего отрицательный. Мамин-Сибиряк любил фабричных мастеровых, восхищался их силой, сметливостью, трудовым опытом. «Стоит посмотреть на эти мускулистые руки, крепчайшие затылки и рослые, полные силы фигуры, — пишет он в одном из очерков, — так и дышит силой от этих молодцов…».

Построенные на незнакомом читателю материале и открывающие в обездоленном рабочем человеке неуемные физические силы и моральные качества, рассказы Мамина-Сибиряка близки рассказам Брет-Гарта, а по манере построения, по пристальному интересу к сильным характерам, по тонкому знанию народной речи и умению органически включить ее в произведение они напоминают лучшие произведения Н. С. Лескова.

Вскоре вслед за рассказом «В камнях» в больших петербургских и московских журналах («Отечественные записки», «Дело», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др.) появились повести, очерки и рассказы Д. Сибиряка, а в 1883 году был напечатан его роман «Приваловские миллионы». Затем появились в печати романы «Горное гнездо» (1884), «Дикое счастье» (1884) и многие другие его произведения. В эти же годы была написана значительная часть рассказов и очерков, собранных писателем в книгу «Уральские рассказы» (первое издание в двух томах вышло в 1888–1889 годах). Творческая работа Мамина-Сибиряка шла очень интенсивно и с большим напряжением. Творческий процесс был для него так естественен и необходим, что он не думал, нужно писать или не нужно писать, как, по его словам, не думает река, «когда в весеннее половодье выступает из берегов». В своей автобиографии он объяснял появление в короткое время большого числа произведений тем, что они писались в течение длительного периода и не были в свое время напечатаны, а также «необыкновенным богатством материалов, которые давала жизнь Урала», и «необходимостью осветить сейчас же некоторые «злобы дня» и свои уральские проклятые вопросы: «Я люблю писать потому, что переживаю все, что пишу, — рассуждал он в одном из писем. — Личная жизнь такая маленькая и так хочется жить тысячью жизней…».[6]

Однако следует сказать, что в отдельных случаях Мамин-Сибиряк публиковал недоработанные вещи, написанные прямо

набело и даже не прочитанные перед отправкой в печать. Недостаточное внимание к отработке деталей снижало художественные достоинства некоторых его произведений.

Вопиющие социальные противоречия старого промышленного Урала, бесправие, бедность, страдания рабочего населения, дикая роскошь и бесчинства «господ» острой болью отзывались в чутком сердце писателя, и он спешил поделиться с читателем своими наблюдениями, осудить хищные буржуазные порядки, стать на защиту рабочего человека.

Автор любил и многократно переиздавал «Уральские рассказы», пополнял их состав, в первых изданиях изменял порядок расположения отдельных произведений внутри сборника, но во всех прижизненных изданиях первый том его открывался рассказом «В худых душах» (написан и впервые напечатан в 1882 году).

В этом небольшом рассказе выражено горячее сочувствие участникам революционной борьбы Кинтильяну и Ане. Среди книг Кинтильяна автор выделил «Капитал» Маркса. В рассказе проявился протест автора против гнетущей реакции восьмидесятых годов с ее мрачной атмосферой доносов, подозрений, преследований. Нравственному безобразию холопов и прислужников реакционного правительства автор противопоставил чистоту идейных и моральных принципов деятелей освободительного движения.

С любовью и симпатией нарисованы в «Уральских рассказах» чусовские бурлаки, уральские старатели, фабричные мастеровые.

В очерке «Золотуха» автор пишет: «…для меня представляла глубокий интерес та живая сила, какой держатся все прииски на Урале». Выраженная здесь мысль может быть распространена на всю книгу «Уральских рассказов»: в ней показан трудовой подвиг народа, которым «держится» материальная жизнь человека.

Труд в понимании Мамина-Сибиряка — это источник силы и мудрости народа. Многовековым своим трудом народ создал свою историю, то есть историю своей страны, выработал свой характер, создал свою нравственность. Такое понимание великой роли труда логически вело к его поэтизации, и Мамин-Сибиряк как писатель стоит в ряду самых выдающихся певцов труда в русской литературе.

Поэтизируя простого рабочего человека, он не скрывает его недостатков и с грустью рассказывает, как много темноты, невежества, дикости и грубости в народной жизни. Но его произведения далеки от натуралистического описания темных сторон народной жизни. Ее мрачные проявления, показанные в творчестве Мамина-Сибиряка, помогали читателю обнаружить ту

«первичную клеточку», которая их порождала. Основную причину народных бедствий автор видит в несправедливости общественных отношений, при которых «господа» предаются праздности, роскоши, разврату и всякого рода безобразиям, а трудовой народ обречен на голод, бесправие и невежество.

В очерках «Бойцы» показаны бесконечные физические и моральные страдания крестьян, оторванных от семьи в самую горячую пору весенних полевых работ, они теряют на сплаве свою силу, здоровье, а нередко и самую жизнь. Непосильные налоги, деревенская круговая порука заставляют их идти на заработки за тысячи верст. Обманутые и ограбленные хозяевами караванных контор, они возвращаются, питаясь подаянием.

Бессильными и жалкими выглядят бурлаки, огромными толпами собравшиеся на пристани в ожидании сплава. Но эти же люди решительно преображаются в процессе труда. Они проявляют подлинный героизм в борьбе с грозными силами природы. Автор любуется их артистическим трудом, когда команды бурлаков работают «одним сердцем».

Голодающим бурлакам и сплавщикам противопоставлены хозяева караванных контор с их чревоугодием, пьянством, распутством. Эти резкие контрасты помогали понять основной конфликт между хозяевами и рабочими, свидетельствовали о несправедливости буржуазных общественных отношений.

Многие произведения из «Уральских рассказов» автор назвал очерками. Этим он обращал внимание на их близость к фактам действительности, не ставя целью дать точное жанровое определение. Некоторые из этих «очерков» по своим размерам равны большим повестям. В них даны широкие картины действительности, этнографически точные описания места действия, исторические справки, а в отдельных случаях даже ссылки на научные источники. Все это органически слито с широкими художественными картинами, с поэтическим вымыслом, яркими типическими образами, в которых раскрыты судьбы героев в связи с судьбами страны и народа.

Большую познавательную ценность произведений Мамина-Сибиряка отметил В. И. Ленин, сославшись на очерк «Бойцы» как документ строгой художественной правды.[7]

«Уральские рассказы» богатством и разнообразием своего содержания выгодно отличались от тематически однообразной народнической беллетристики. Жизнь, труд и борьба фабричных мастеровых, бурлаков, золотоискателей, крестьянства, революционной интеллигенции, провинциальных артистов, тяжкая доля женщины на приисках и промыслах — вот далеко не полный перечень тем и образов «Уральских рассказов». В них

показаны также страшные в своем зверином быту и стяжательстве, развращенные «диким богатством» «хозяева жизни». Полная безотчетность и ничем не ограниченные права одних, бесправие, беззащитность и подавленность других порождали атмосферу чудовищных преступлений со стороны «хозяев» и доводили до предела чувство ненависти к ним со стороны порабощенных мастеровых.

Автор уральских и сибирских рассказов явился талантливым изобразителем северной русской природы. В его произведениях природа не фон, не внешнее украшение, она живет и действует вместе с героями. Бесконечно широкой, разнообразной и мощной русской природой он объяснял характер русского человека с его чертами «нетронутой воли, шири, удали». Изображая природу, писатель стремился «раскрыть все тонкости, всю гармонию, все то, что благодаря этой природе отливается в национальные особенности, начиная песней и кончая общим душевным тоном».

Он отметил, как преображается в единении с природой простой человек, подавленный ненормальной общественной жизнью, как в общении с нею проявляются его богатство, сила и красота духа. Признавая благотворное воздействие природы на человека, Мамин-Сибиряк, в свою очередь, признавал положительное воздействие человека на природу. Любой, самый живописный пейзаж оживляется в его глазах присутствием и разумно направленной деятельностью человека. «Присутствие людей оживляло всю картину, — писал он о находящемся в глухом лесу золотом прииске, — и при ярком солнечном освещении делало ее даже красивой, как проявление самой кипучей человеческой деятельности».

Как и в жизни человека, воображение писателя ищет в природе движения, жизни и проявления скрытых в ней стихийных богатырских сил. Любуясь красотой реки Чусовой в летнее время, он думает: «хороша именно эта дремлющая сила, которая отдыхает теперь, как заснувший богатырь». Он охотно изображал природу не в состоянии мира и покоя, а «в титанической борьбе с первозданными препятствиями». Та же самая Чусовая восхищает его в весеннюю пору, когда она рвалась к морю, «как бешеный зверь…». Это был апофеоз стихийной работы великого труженика, для которого тесно было в этих горах и который точил и рвал целые скалы, неудержимо прокладывая широкий и вольный путь к теплому, южному морю».

В самых простых проявлениях северной русской природы он умел уловить ее суть, раскрыть ее силу и красоту.

3

В литературе 80-х годов преобладали произведения «малого» жанра: очерки, небольшие рассказы, социально-бытовые сцены и т. д. Беллетристы-народники, за немногими исключениями, не создали крупных произведений. Передовые писатели этого времени указывали на жанровую ограниченность современной литературы и отчетливо сознавали, что разработка широких социальных тем и всестороннее раскрытие общественных явлений возможны прежде всего в рамках романа и общественной драмы. О необходимости создания общественного романа писал Салтыков-Щедрин еще в 70-х годах: «Отрывки, очерки, сцены, картинки — вот пища, которую предлагают читателю даже наиболее талантливые из наших беллетристов. О цельном, законченном создании, о всестороннем воспроизведении современности с ее борьбою и задачами нет и помину. Читатель обязывается удовлетворяться более и менее удачною разработкой частностей, и затем, если желает, сам уже должен отыскивать связь между этими частностями и сводить концы с концами… а в литературе нашей все-таки нет даже признаков чего-нибудь похожего на общественный роман или общественную драму».[8]

Среди писателей демократического направления 80-х годов Мамин-Сибиряк был одним из немногих авторов, успешно разрабатывавших жанр романа. Первым крупным произведением его в этом жанре явились «Приваловские миллионы» (1883). По своей структуре «Приваловские миллионы» представляют дальнейшее развитие традиций классического русского романа. Много места занимает здесь изображение судьбы главного героя Сергея Привалова, повторявшего, по словам автора, «раздвоенных» лишних людей, у которых хорошие намерения и заветные мечты постоянно идут вразрез с практикой. В этом обнаруживается творческая связь писателя-демократа с прогрессивными традициями предшествующей реалистической русской литературы, а также стремление показать тесную связь судьбы человека с жизнью общества, порождающей подобные характеры. Новаторство писателя проявилось в выдвижении новой темы, смелом и оригинальном решении острейших вопросов современности.

В этом романе Мамин-Сибиряк показал большое мастерство в раскрытии острых социальных конфликтов. Действие романа развертывается на основе конфликта между идеалистом-мечтателем Сергеем Приваловым, в руки которого должен перейти по наследству богатейший заводской округ, и группой

буржуазных хищников, которые стремятся прибрать к своим рукам капиталы незадачливого наследника. В отношениях между враждующими из-за наследства силами возможны острые столкновения, но иногда и союзы и примирения. В то же время автор ведет читателя к пониманию непримиримости другого, основного, скрытого от глаз поверхностного наблюдателя конфликта между владельцами и рабочими Шатровских заводов. Судьбы большого коллектива рабочих волнуют сознание читателя не меньше, чем утопические планы социальных реформ Сергея Привалова и борьба из-за наследства между различными группами буржуазных хищников. Сюжетное развитие романа определяется не только личной и общественной судьбой центральных персонажей, но и в значительной мере историей Шатровского горнозаводского округа с сорокатысячным рабочим населением.

Главный герой романа Сергей Привалов усвоил взгляды либерального народничества. Он отрицал возможность и необходимость развития горной промышленности в России. Промышленные заведения в России он считал болезненным наростом, «который питается на счет здоровых народных сил». «Наши горные заводы, — говорил этот незадачливый реформатор, — все до одного должны ликвидировать свои дела». Он мечтал об организации артельного труда, о рациональной организации хлебной торговли, с помощью которой надеялся освободить мелкого производителя от капиталистической эксплуатации. Рассуждения Сергея Привалова в своих основных частях буквально совпадают с теоретическими положениями одного из видных теоретиков либерального народничества, В. Воронцова, напечатавшего в 1882 году сборник своих статей «Судьбы капитализма в России». В. Воронцов стремился доказать, что в отличие от Западной Европы Россия может и должна избежать развития капитализма и связанного с ним роста промышленного пролетариата, что промышленность в нашей стране появилась не на основе экономических потребностей, а в результате распоряжений правительства, что машиностроительная и металлургическая промышленность якобы не нужна народу и существует лишь государственными заказами и другими «милостями правительства». Являясь наследником крупного горнозаводского округа, разоренного прежними владельцами и опекунами, Привалов видит свою задачу в том, чтобы освободить заводы от казенных долгов, ликвидировать их и возвратить заводские земли их прежним владельцам — башкирам.

При столкновении с реальной действительностью рушатся

все народнические планы Привалова. В условиях капиталистической действительности и хлебная торговля и построенная Приваловым мельница становятся типичными капиталистическими предприятиями. Опыты осуществления намеченных социальных реформ убеждают героя романа в том, что он со своими планами является «жалкой единицей», которой по-своему распоряжается буржуазия. Значение образа Сергея Привалова усиливается тем, что неудачи его социальных реформ раскрыты в романе не столько как следствие его личных недостатков (отсутствие воли и практической опытности), а как результат беспочвенности народнических теорий. Мамин-Сибиряк подчеркивает, что Привалов не является той силой, которая может противостоять буржуазным дельцам. Буржуазная действительность разрушает его народнические начинания и неумолимо вовлекает в капиталистический оборот создаваемые им артельные предприятия. Наблюдая в ирбитском ярмарочном театре сибирских промышленников, фабрикантов и водочных королей, Привалов сам почувствовал, что он является «частью этого громадного целого, которое шевелилось в партере, как тысячеголовое чудовище. Ведь это целое было неизмеримо велико и влекло к себе с такой неудержимой силой… Даже злобы к этому целому Привалов не находил в себе: оно являлось только колоссальным фактом, который был прав сам по себе, в силу своего существования».

Развенчание либерально-народнических иллюзий Сергея Привалова имело большое общественное значение. Мамин-Сибиряк своим романом показал бесплодность и вред рассуждений об отсутствии капитализма в России, о случайном характере существующих буржуазных отношений.

Автору удалось создать яркий образ передовой русской женщины Надежды Бахаревой. Ее тяготила принадлежность к буржуазной семье, богатство которой было создано «потом и кровью добровольных каторжников». С положением каторжников героиня романа сравнивала судьбы рабочих в золотопромышленности. «Мы живем паразитами, — говорит она Привалову, — и от нашего богатства пахнет кровью сотен тысяч бедняков». В этих словах звучит не только осуждение семьи ее отца (эта семья характеризована автором как одна из самых честных буржуазных семей города Узла), сколько самых основ буржуазного строя. Уход Надежды Бахаревой из родного дома воспринимается как осуждение буржуазной философии жизни. Благородству идей и стремлений новых людей соответствует чистота и твердость их нравственных принципов. Пропагандисты новых общественных отношений — Надежда Бахарева и Лоскутов

— строят свою семью на основе любви и взаимного уважения.

Широкие художественные обобщения, основанные на глубоком знании жизни промышленного Урала, показывали читателю, что Россия уже вступила на путь капитализма, что русская буржуазия представляет собой крупную силу, с которой нельзя не считаться. Писатель оценивал эту силу с демократических позиций, поэтому ему удалось убедительно показать антинародный характер буржуазии, ее паразитическую сущность. Образы хищных буржуазных дельцов даны в романе резко сатирически. Общественное значение сатирического изображения буржуазного мира усиливалось тем, что вместе с разоблачением антинародной сущности буржуазии Мамин-Сибиряк вступал в борьбу с попытками некоторых русских писателей идеализировать капиталистический общественный порядок.

Буржуазная литература 80-х годов лицемерно доказывала единство интересов предпринимателя и рабочего. Апологеты буржуазии утверждали, что благосостояние рабочих прямо зависит от успехов предприятия и доходов фабриканта. Современные Мамину-Сибиряку буржуазные писатели (П. Д. Боборыкин, Вас. И. Немирович-Данченко и др.) изображали купцов и фабрикантов как главных деятелей промышленности, от таланта и предприимчивости которых зависит успех дела, а вместе с ним и благосостояние рабочей массы. Действительные классовые противоречия буржуазного общества подменялись мнимыми, надуманными противоречиями между культурным и некультурным буржуа. В буржуазной литературе распространялась иллюзорная надежда на просвещенного промышленника, финансиста, купца как силу, якобы противостоящую буржуазному хищничеству. Особенно большой вред могла принести русскому обществу спекулятивная идея единства интересов труда и капитала, усиленно распространявшаяся буржуазной публицистикой и литературой.

Перед писателями-демократами возникла серьезная задача — преодолеть вредное влияние буржуазной литературы на массового читателя. Вслед за М. Е. Салтыковым-Щедриным и Н. А. Некрасовым Мамин-Сибиряк показывал эксплуататорскую, хищническую роль буржуазии. В «Приваловских миллионах» он создал целую галерею типов, близких по своей внутренней сущности к Колупаевым, Разуваевым, Деруновым; Хиония Заплатина, Половодов, Ляховский, Альфонс Богданыч — все это хищники паразиты, мешающие здоровому развитию народной жизни. Среди хищников-стяжателей выделяется «делец последней формации» Половодов. Получив университетское образование,

Половодов начал свою карьеру со службы в уездной земской управе, которую он, как и щедринские земцы, расценивал с точки зрения «фондов» и возможностей «сходить в карман своего ближнего». Хищническое нутро Половодова полностью обнаружилось, когда ему удалось проникнуть на должность директора Узловско-Моховского банка и в опекунский совет Шатровских заводов. В Половодове «заговорила непреодолимая жажда урвать свою долю из того куска, который теперь лежал под носом». Эта «непреодолимая жажда урвать» раскрыта в «Приваловских миллионах» как основа буржуазной философии жизни.

Типичный буржуазный хищник Половодов продает свою жену, торгует своими убеждениями и, ограбив Шатровские заводы, скрывается за границей. В расчете на всеобщую буржуазную продажность строится план ограбления Шатровских заводов, составленный для Половодова «дядюшкой» Шпигелем. В план Шпигеля входит подкуп не только дворянской опеки, но и представителей таких высоких сфер, которые Шпигель не решается даже назвать.

Хищничество понято и раскрыто автором «Приваловских миллионов» как неизлечимая болезнь, которой заражена сама буржуазная атмосфера.

В раскрытии хищничества, как кодекса буржуазного поведения, проявляется способность автора понять социальную сущность изображаемых явлений, отчетливо звучит активное противодействие буржуазной литературе.

Мамин-Сибиряк видит, что интересы заводовладельцев и рабочей массы непримиримы. Он убежден, что основной и решающей силой в промышленности является фабричный рабочий. Роль буржуазии в истории развития промышленности автор рассматривает исторически. Он признает некоторые заслуги зачинателей горного дела, но и эти заслуги относит не столько к буржуазии, сколько к трудовому народу, выдвинувшему из своей среды талантливых организаторов промышленности.

В полном соответствии с исторической правдой писатель говорил об утверждении «власти капитала» в жизни пореформенной России, но в то же время он остро ставил вопрос о непрочности буржуазного общественного строя. Один из существенных признаков преходящего характера буржуазных общественных отношений он видел в вырождении буржуазной семьи. Тема вырождения буржуазии интересовала Мамина-Сибиряка в течение многих лет его творческой деятельности. Еще в студенческие годы, обращаясь к своему отцу с просьбой собирать материалы из заводской жизни, он указывал на «резкую

разницу, отделяющую энергичных, деятельных представителей первых основателей дома Демидовых и распущенность последних его членов». Эта тема нашла выражение в «Приваловских миллионах» (1883), «Горном гнезде» (1884), «Хлебе» (1895) и ряде других произведений писателя. На протяжении двух десятилетий в разных аспектах Мамин-Сибиряк ставит вопрос о неумолимом законе вырождения буржуазии.

В отличие от западноевропейских писателей-натуралистов, трактовавших процесс вырождения как результат воздействия биологических факторов, которому якобы подвержены все общественные сословия, Мамин-Сибиряк изображал вырождение буржуазной семьи как результат социально-исторических закономерностей. В разработке темы разложения и вырождения буржуазии он шел не столько от современных ему биологических теорий (ошибки которых он иногда, однако, разделял), сколько от самой жизни. Материалом его произведений служила история многих семейств уральских заводчиков, в которых процесс вырождения давал себя знать особенно сильно и безжалостно. Яркий пример тому — история знаменитой в летописях уральской горной промышленности семьи Демидовых, хорошо известная автору, который родился и вырос в фамильной вотчине этих крупных заводчиков.

С большой художественной убедительностью тема вырождения буржуазии разработана в романе «Горное гнездо». Автор не ставит перед собой цели показать в этом произведении процесс вырождения в его исторической последовательности. В образе Евгения Лаптева дан результат этого процесса. Из краткой, намеченной отдельными штрихами характеристики предков Евгения Лаптева вырождение буржуазной семьи предстает во всей своей жизненной конкретности. Ближайшие предки Евгения Лаптева, пользуясь миллионными доходами от заводов, прожигали свою жизнь за границей. «Некоторые из представителей этой фамилии, — пишет Мамин-Сибиряк, — не только не бывали в России ни разу, но даже не умели говорить по-русски… Эти мужицкие выродки представляли собой замечательную галерею психически больных людей, падавших жертвой наследственных пороков и развращающего влияния колоссальных богатств». Последний представитель семьи — Евгений Лаптев — родился и вырос за пределами своей страны. Там под влиянием окружавших его праздных людей и под руководством «разных светил педагогического мира» он получил «органическое отвращение ко всякому труду и в особенности к труду умственному». В результате праздной, полной всяческих излишеств жизни Евгений Лаптев утратил нормальные

человеческие свойства и всякую способность к деятельности.

Автор «Горного гнезда» убедительно показал, что хозяева заводов не играют никакой роли в производстве материальных благ, что создателями всех материальных ценностей являются люди труда. Владельцы заводов и фабрик ничем не связаны со своими предприятиями, кроме получения баснословных прибылей, беспутно расточаемых ими в беспрерывных кутежах, оргиях и всякого рода безобразиях. Евгению Лаптеву чужда, непонятна и утомительна непривычная трудовая обстановка. «Лаптева ничто не могло расшевелить, и он совершенно равнодушно проходил мимо кипевшей на его глазах работы». Не более Лаптева понимают заводское дело его ближайшие помощники. В качестве консультанта по горнозаводскому делу с Лаптевым приехал на Урал ученый генерал Блинов. При посещении завода оказалось, что ученый генерал, как и его хозяин, «ничего не понимал в заводском деле и рассматривал все кругом молча, с тем удивлением, с каким смотрит неграмотный человек на развернутую книгу».

В поездке по уральским заводам Лаптева сопровождает огромная свита корреспондентов, секретарей, доверенных лиц и просто темных людей, которые делают вид, что тоже интересуются русской промышленностью. Вся эта орава с Лаптевым во главе показана как чуждый народу и промышленности элемент, мешающий нормальному развитию заводского дела.

Способность Мамина-Сибиряка воплотить в жизненных образах сущность важных социальных явлений приобретает особенный интерес в свете той оценки роли буржуазии в производстве, какую дал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». «Для самих капиталистов, — пишет Энгельс, — не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Капиталистический способ производства, вытеснявший сперва рабочих, вытесняет теперь и самих капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения».[9]

Образы Лаптева и его приспешников даны в сатирических тонах. Низменный характер интересов хозяев делает возможным широкое применение в их характеристиках гиперболы, гротеска (желудочная память Лаптева, вранье Сарматова, рабья преданность Родиона Сахарова и т. д.).

Подробный перечень всего, что придумывают услужливые управляющие, чтобы поразить «желудочную память» Лаптева, нужен автору для того, чтобы показать низменность интересов

этого круга людей. О маринованной губе сохатого, ухе из живых харюзов приходится говорить подробно, в соответствии с их значительностью в жизни набоба Лаптева, утратившего нормальные человеческие чувства и интересы.

В этом романе Мамин-Сибиряк сатирически изобразил порожденный буржуазной действительностью отвратительный тип буржуазного шпиона и предателя Перекрестова, натуру космополитическую, продающую себя тому, кто дороже платит. Объектом сатиры в «Горном гнезде» становятся общественные явления и силы, подлежащие уничтожению. К владельцам заводов и их приспешникам, которых Мамин-Сибиряк избрал предметом своей сатиры, вполне можно отнести слова Добролюбова о героях «Губернских очерков» Щедрина: «Они — гнилые части, сухие ветви дерева, которые отмечаются знатоком для того, чтобы садовник обрезал их… Да, дерево может погибнуть именно от этих гнилых и засохших ветвей, если они не будут отсечены. Без них же дерево ничего не потеряет: оно свежо и молодо, его можно воспитать и выпрямить; его растительная сила такова, что на место обрезанных у него скоро вырастут новые, здоровые ветви».

Богатство творческой фантазии Мамина-Сибиряка позволяет ему развить основную идею и резко сатирически выделить основную черту данного социального типа на фоне бесконечного многообразия характерных деталей и ситуаций. Выделение и подчеркивание типических признаков автор производит при тщательном соблюдении пропорций, при строгой верности избранному масштабу. Сатирическое преувеличение является здесь одним из способов фиксировать внимание на существенных признаках при тщательном устранении всего того, что несвойственно соответствующему типу людей.

Вырождающемуся физически и духовно буржуазному миру автор противопоставляет фабричных мастеровых. Он с восхищением рисует мощные фигуры заводских рабочих, любуется их богатырской силой и артистической работой. На заводе, «в этом царстве огня и железа», подлинными хозяевами кажутся автору именно заводские рабочие. В Евгении Лаптеве с его свитой он видит «человеческий сор», «человеческую мякину», ненужную и лишнюю.

Вместе с тем автор с полным историческим правдоподобием показывает сохранившуюся с недавних крепостнических времен наивную веру фабричных мастеровых во всемогущество барина.

Основным художественным заданием романа становится раскрыть несостоятельность этой веры, показать непримиримость классовых противоречий хозяина и рабочего. В результате приезда барина на завод и трудов ученого генерала Блинова

мастеровые были лишены земельных наделов, их заработная плата была урезана, ранее существовавшие «крохи» благотворительности уничтожены.

Читателю «Горного гнезда» становилась ясна вся нелепость социального устройства, при котором не принимающие никакого участия в деятельности заводов люди получают миллионные доходы, а создатели всех ценностей — заводские рабочие — обречены на бесправие, голод и нищету.

Уловить и показать в сложном историческом процессе возрастающую силу фабричного рабочего и неизбежность вырождения буржуазии мог только правдивый писатель-реалист и демократ, обладающий острой социально-исторической зоркостью, которому были близки и понятны интересы заводского населения.

Но не понимая всей глубины исторического смысла изображаемых событий, автор с сожалением писал о лишении заводского населения земельных наделов. Он не сумел понять, что уничтожение крепостнических пережитков, в том числе и земельных наделов, вело к осознанию рабочими своих классовых интересов.

В «Горном гнезде» с большим мастерством нарисованы массовые народные сцены. Автор смело вводит в число «действующих лиц» многоликую заводскую толпу, которая играет в произведении определяющую роль. Отдельные образы рабочих интересуют автора в той мере, в какой они выражают те или иные стороны действующего коллектива.

Основные принципы, намеченные в «Приваловских миллионах» и «Горном гнезде» (раскрытие непримиримых противоречий между хозяевами и рабочими, пристальное внимание к судьбам рабочего населения), получают дальнейшее развитие в романах «Три конца» (1890), «Золото» (1892), «Хлеб» (1895). В «Приваловских миллионах» сорокатысячная рабочая масса Шатровских заводов дана на втором плане, без персонификации отдельных ее представителей. В «Горном гнездо» заводский коллектив показан в ряде массовых сцен. Автор выделяет в многотысячной толпе, пока еще в общих чертах, характерные признаки людей отдельных профессий (фабричные мастеровые, рудниковые рабочие, крестьяне-углежоги и т. д.). Здесь же появляются образы фабричных мастеровых — силач Спиридон, «железные люди» Вавила и Гаврила, которые даны в процессе их заводского труда. Но на первом плане продолжают действовать хозяева заводов и крупная заводская администрация, хотя в общей жизни заводов им отводится ничтожная роль. В «Трех концах» и в «Золоте» на первый план выдвинута жизнь

заводского коллектива. Роман «Три конца» имеет характерный подзаголовок — «Уральская летопись в шести частях». Это именно летопись жизни уральского заводского населения в пореформенную эпоху. С романом «Три конца» тесно связана историческая повесть «Братья Гордеевы». Некоторые герои повести и романа напоминают друг друга. Трагическая судьба крепостных, получивших образование за границей, определила содержание повести «Братья Гордеевы». Значительную идейно-композиционную роль образы «заграничных» интеллигентов играют также в романе «Три конца». Родственные друг другу образы как бы связывают эти два произведения, в которых нашли отражение две эпохи из жизни уральского рабочего населения: основным содержанием повести является жизнь заводских рабочих в пору расцвета крепостнических порядков, в романе раскрыты их судьбы в пореформенную эпоху.

Повесть «Братья Гордеевы» и роман «Три конца» тесно связаны в то же время и с традицией классической русской литературы. Они воскрешают в памяти читателя трагедию умных людей в крепостнической России, широко показанную в литературе первой половины века, и страшную судьбу крепостного талантливого человека, раскрытую в повести Герцена «Сорока-воровка».

Мамин-Сибиряк понимал, что сложная заводская жизнь и работа выдвигали перед рабочими уже в пору крепостного права все новые и новые вопросы социальной жизни и техники. Простые крепостные рабочие доходят «своим умом» до смелых решений трудных технических вопросов, они, по словам писателя, в непрерывном труде «дорабатываются» до высших соображений математики и решают такие вопросы техники, какие не известны даже в теории.

Писатель любовно рисует яркие образы этих талантливых людей из народа. С гордостью за рабочего человека он рассказал, как сын крепостного рабочего, уральского жигаля Елески, поразил своими природными дарованиями профессоров парижской Ecole poly-technique и был представлен как первый ученик этой школы французскому королю. Рядом с образом этого одаренного крепостного интеллигента стоят образы уральских «умельцев»: механика-самоучки Карпушки, дошедшего «до всего своим умом»; опытных мастеров горного дела — братанов Гущиных и туляка Афоньки; фанатически преданного заводскому делу доменного мастера Никитича («Три конца») и др. Трагедия этих замечательных людей состояла, по существу, в том, что они еще не понимали путей и средств борьбы с социальным бесправием.

Чувство жгучей боли за простого русского человека и ненависть ко всему, что подавляет человеческое достоинство, вызывала в сердце читателя повесть «Братья Гордеевы». Она порождала страстное стремление к свободе, к таким условиям жизни, при которых могли бы развернуться неограниченные возможности человека труда. «Если б этакому способному человеку дать образование, что бы из него вышло?» — формулирует свою мечту о будущем автор и тут же добавляет: «Впрочем, одно образование еще не делает человека». Трагическая судьба крепостных интеллигентов Гордеевых, их жен и детей свидетельствует, что для настоящего счастья нужны свобода, независимость, уважение к его человеческому достоинству.

Роман «Три конца» начинается выразительными сценами, которые показывают большой трудовой коллектив накануне «освобождения» от крепостной зависимости. Развязкой произведения служит забастовка рабочих, испытавших жестокие условия капиталистической эксплуатации. В рамки романа укладывается, таким образом, целая историческая эпоха. В двух важнейших событиях — объявление «воли» и забастовка заводских мастеровых — раскрывается основное содержание романа. «Освобождение» проведено в интересах господствующих классов, и рабочая масса на пути к свободе неизбежно вовлекается в борьбу с угнетателями.

С наибольшей полнотой и рельефностью жизненные интересы и исторические судьбы заводской массы Урала выражены в истории трех «концов» Ключевского завода, представляющих своеобразные колонии заводского поселка. В крепостное время каждый из трех «концов» жил замкнутой жизнью, сохраняя особенности быта, нравы и обычаи, исторически сложившиеся в тех различных областях России, откуда были вывезены для работы на Ключевском заводе жители поселка. После объявления «воли», которая не осуществила возлагавшихся на нее надежд, среди части жителей «туляцкого» и «хохлацкого» «концов» вспыхнула стихийная тяга к земле. Многие рабочие семьи решили бросить фабрику и переселиться в богатые башкирские степи — добывать «свой хлеб». Спустя два года инициатор переселения Тит Горбатый возвратился с семьей на завод. «Погибель, а не житье в этой самой орде», — отзывается о деревенской жизни один из многочисленных членов семьи Тита Горбатого. Правдиво изображая стихийную тягу крестьян к земле, автор не сочувствует переходу квалифицированных заводских рабочих к технически отсталым формам деревенского труда и тяжелому, патриархальному деревенскому быту.

Писателя глубоко волнует обострение классовых противоречий, вызванных развитием капитализма. Капитализм кажется ему такой силой, от которой нельзя укрыться ни в деревне, ни в городе. В финальных сценах «Трех концов» рисуются страшные картины разрушения прекративших действие заводов. Однако рабочие Ключевских заводов не опускают в бессилии руки. В борьбе с капитализмом растет чувство рабочей солидарности, которое с наибольшей силой проявляется в стачке как новой форме борьбы с заводчиками и в слиянии разрозненных в крепостное время трех заводских «концов». Приостановку и разрушение заводов, уход из них опытнейших мастеров и рабочих Мамин-Сибиряк показал как результат капиталистических форм эксплуатации, воплощенных в деятельности нового управляющего Голиковского. Отношения управляющего к рабочим основываются на принципах сухого расчета, урезок, прижимок, штрафов. Писатель осудил этого буржуазного дельца за безразличие к положению и судьбам опытных заводских мастеров, за его планы, рассчитанные на приток резервной рабочей силы, которая должна заменить ушедших с завода коренных рабочих.

Отражая интересы и чаяния не освободившегося от крепостнических пережитков, «привязанного к заводам» уральского рабочего населения, Мамин-Сибиряк создал произведения большой обличительной силы. Но незрелость его политической мысли и непонимание исторической роли пролетариата приводили к тому, что многие его произведения не давали положительных решений.

Образы новых людей из разночинной интеллигенции в творчестве Мамина-Сибиряка не разработаны так подробно и всесторонне, как отрицательные персонажи. Значение этих образов состоит не в их положительной программе. Важно то, что они понимают несправедливость буржуазных отношений и протестуют против них.

Центральным героем произведений Мамина-Сибиряка является трудовой народ в своеобразии его прошлого и настоящего, его быта, чаяний, интересов.

Вера в силы и творческие способности народа обусловила социальный оптимизм Мамина-Сибиряка и жизнеутверждающий характер его произведений. Всем своим творчеством он зовет читателя «жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец» и в этом справедливо видит «настоящую жизнь, настоящее счастье» человека. Вера в положительные стороны жизни вызвала его интерес к личности М. Горького, с которым Мамину-Сибиряку удалось встретиться в Ялте в 1900 году:

«Сейчас в Ялте собралось много писателей… Все чем-нибудь больны и все чем-то озлоблены, за исключением Горького. С последним я познакомился ближе, и он мне начинает нравиться». [10] Горький привлекал симпатии Мамина-Сибиряка тем светлым чувством жизни, к выражению которого стремился автор «Уральских рассказов».

В тяжелых условиях общественной борьбы 80-х годов Мамин-Сибиряк был певцом силы, энергии, действенного отношения к жизни, выражая в своем творчестве неиссякаемую жизненную энергию трудового народа. Мечта о великом будущем своей страны никогда не покидала писателя. Его духовному взору представлялась индустриально преобразованная Россия, которую гений народа выдвинет в разряд передовых стран мира. На заре своей литературной деятельности, в 1881 году, он писал: «Глядя на картину Тагила, мне каждый раз приходила в голову мысль, что, вероятно, уже недалеко то время, когда этот завод сделается русским Бирмингамом и, при дружном действии других уральских заводов, не только вытеснит с русских рынков привозное железо до последнего фунта, но еще вступит в промышленную борьбу на всемирном рынке с английскими и американскими заводами». [11]

В пору полной творческой зрелости писатель твердо высказывал надежду на светлое будущее своей страны. Залог ее расцвета он видел в талантливости и силе трудового народа, богатейших природных запасах страны, ее бескрайних просторах. Мечтая о будущем великой реки Волги и судьбах своей страны, он писал: «Тысячелетняя русская история еще не осилила могучей реки, — Волга вся еще в будущем, когда ее живописные берега покроются целой лентой городов, заводов, фабрик и богатых сел. Эта мечта невольно навевается самой рекой, которая каждой волной говорит о жизни, о движении, о работе. Может быть, уже не далеко то время, когда все это совершится, и нет основания сомневаться в осуществлении такой мечты».

Неустанно обличая буржуазию, Мамин-Сибиряк являлся убежденным сторонником промышленного развития страны. Большинство положительных героев его произведений любит и ценит заводы. Героиня романа «Приваловские миллионы» Надежда Бахарева говорит: «Что-то такое хорошее, новое, сильное чувствуется каждый раз, когда смотришь на заводское производство. Ведь это новая сила в полном смысле слова…» Идеи писателя о промышленном развитии России смутны и противоречивы. С одной стороны, он ведет борьбу с пережитками крепостничества и высказывается за развитие частной, то есть в итоге буржуазной, инициативы. С другой — он часто мечтает о

таких формах развития промышленности, при которых одинаково соблюдались бы общие интересы страны и запросы заводских рабочих. Но такие формы развития промышленности возможны лишь при социалистической системе хозяйства. До понимания этой глубокой истины писатель подняться не сумел.

4

В 1891 году Мамин-Сибиряк переехал с Урала в Петербург. Здесь и в Царском Селе он прожил до конца своих дней (умер в Петербурге, в ночь с 1 на 2 ноября 1912 года).[12] В 1891 году он потерял жену, которая умерла от родов, оставив ему дочь Аленушку (имя ее увековечено в наименовании цикла сказок). Последний период его жизни не богат внешними событиями. «Мое время — это большее или меньшее количество написанных глав, а с последней главой заканчивается и то, что называется жизнью».

В 90-е годы он состоял членом правления Литературного фонда, а затем членом комитета Союза русских писателей.

Отзывчивый к общественным делам и запросам, Мамин-Сибиряк участвовал во многих мероприятиях, проводимых правлением Литфонда и союзом писателей. Он читал и печатал свои произведения в пользу голодающих и переселенцев, для Литфонда и недостаточных студентов, в пользу женского медицинского института и «обездоленных армян» и т. д., и т. д.

1890-е годы были для Мамина-Сибиряка временем серьезных колебаний. В острой идеологической борьбе марксистов с народниками, окончившейся разгромом народничества, Мамин-Сибиряк разобраться не сумел. Политическая незрелость, непонимание сущности марксизма привели его даже к временному сближению с народниками. Он вступил в дружеские отношения с Н. Михайловским, С. Кривенко, С. Южаковым. Это сближение не могло не сказаться отрицательно на его творчестве. В 90-е годы значительную часть своих произведений (роман «Падающие звезды», цикл рассказов «Детские тени», очерки «Медовые реки» и др.) он печатал в журнале «Русское богатство», органе либеральных народников. Естественно, что во многих из этих произведений была приглушена та острая социальная проблематика и антинародническая направленность, которые характеризовали его творчество 80-х годов. Социальные проблемы подчинялись психологическим и моральным, что лишало некоторые произведения Мамина-Сибиряка прежней силы, содержательности и общественной значимости.

Воздействие либерально-народнической идеологии и литературы в силу незрелости политических воззрений автора проявилось с наибольшей силой в тех произведениях, в которых он попытался развернуть свои положительные взгляды. В начале 90-х годов Мамин-Сибиряк встал во главе литературного отдела журнала для юношества «Мир божий». Свою задачу он видел в

том, чтобы дать молодому читателю жизнерадостные произведения и показать пути к осмысленной общественной деятельности, но при попытках осуществить эту задачу, то есть создать положительные образы, он невольно сбивался к повторению шаблонных для народнической литературы фигур удалившихся в деревню больных и изломанных интеллигентов, которые находят душевный покой и счастье в здоровой деревенской обстановке (роман «Весенние грозы», 1893, и др.).

Писатель не столько «пришел» к народникам, сколько был вовлечен в их среду. После попыток «замолчать» его творчество представители народнической критики попытались привлечь его на свою сторону. Дружбу с Н. Михайловским и другими народниками Мамин-Сибиряк на первых порах мог воспринимать как продолжение связи с кругом редакции «Отечественных записок». Ему было известно, что Н. Михайловский входил в редакцию этого журнала, а С. Кривенко и С. Южаков были активными его сотрудниками. «Этот журнал, — писал Мамин-Сибиряк о «Русском богатстве», — возрождается, и около него собираются последние могикане из «Отечественных записок». Во главе стоит Михайловский, то есть стоит негласно».

Однако следует подчеркнуть, что связь его с народниками была временной и неорганичной. Одновременно с рассказами с народнической тенденцией он писал произведения, развивающие и углубляющие мотивы его творчества 80-х годов. Его тяготили субъективно-народнические позиции «Русского богатства». Те произведения, которые создавались с учетом направления журнала, вызывали недовольство автора. Недовольство «Русским богатством» и своим положением в нем отразилось во многих письмах Мамина-Сибиряка. В октябре 1899 года он писал: «Кончаю роман для «Русского богатства», который мне надоел до смерти»;[13] в ноябре 1902 года: «Моя повесть «Любовь куклы» в «Русском богатстве» совершенно не удалась»; и еще через несколько времени: «не бываю никогда даже в редакции «Русского богатства». Вечно одно и то же».

В конце 90-х годов он открыто возмущался демонстрациями народников против марксистов и все больше отходил от редакции «Русского богатства».

Литературно-общественная позиция Мамина-Сибиряка 90-х годов выражена не столько в его тенденциозных произведениях, сколько в тех его романах и повестях, где он продолжал свою прежнюю линию обличения растлевающей власти капитала.

В 1892 году в «Русской мысли» Мамин-Сибиряк напечатал историческую повесть «Охонины брови». Восстание уральского населения под руководством Пугачева раскрыто в повести как

естественный ответ фабричных мастеровых на жестокое обращение с ними заводчиков. Картины истязаний мастеровых в медном руднике заводчика Гарусова объясняют и оправдывают активное участие рабочих в восстании Пугачева. В повести «Охонины брови» нашла художественное воплощение мысль о том, что именно в рабочей массе таится большой запас революционной энергии. Это свидетельствует, насколько внешни и неглубоки были связи ее автора с либеральным народничеством. «Охонины брови» появились в печати в пору начавшегося нового подъема освободительного движения в России. Решительное оправдание массовой освободительной борьбы XVIII века придавало исторической повести Мамина-Сибиряка острую актуальность и большой общественный смысл.

Тема романа «Золото» была выдвинута уже в ранних очерках «От Урала до Москвы». Впоследствии на эту тему Мамин-Сибиряк написал очерки «Золотуха», роман «Дикое счастье», цикл рассказов «Золотая лихорадка» и др.

В центре романа стоит судьба нескольких рабочих семей — Родиона Зыкова, Тараса Мыльникова, бабушки Лукерьи. В истории этих семей отражены судьбы десятитысячного рабочего населения Балчуговского завода, а за ними, в свою очередь, рисуется положение рабочих всей страны.

Основное действие романа укладывается в сравнительно небольшой отрезок времени — около двух лет. но в кратких отступлениях автор знакомит читателя с предысторией действующих лиц, что значительно расширяет хронологические рамки и дает возможность представить жизнь героев на протяжении многих десятилетий.

Содержание романов «Три конца», «Золото», повести «Охонины брови» свидетельствует о пристальном интересе автора к жизни рабочего населения. Мамин-Сибиряк входит в историю русской литературы как писатель, творчество которого дает широкую картину жизни и быта русского рабочего, рисует начальные формы его борьбы и раскрывает выдвигаемые в этой борьбе требования.

Сюжетное развитие романа «Хлеб» (1895) определяется событиями голодного года в Зауралье. Но проблематика произведения шире и глубже изображения событий, связанных с голодом 1891 года. В центре внимания автора становится новая фаза развития капитализма в его банковско-монополистических формах. Мамину-Сибиряку удалось показать, как банковские монополии приводят к бездействию и разрушению первоклассных промышленных предприятий, застою промышленности. Не выдерживающие конкуренции предприниматели средней руки

сжигают первоклассные фабрики, чтобы получить страховые платежи. Основные средства вкладываются капиталистами не в промышленные предприятия, а в спекуляции и ростовщичество. Миллионер Стабровский, Мышников, Штофф и другие крупные банковские дельцы — это монополисты, разоряющие производителя. Губительное влияние объединившейся вокруг банка группы капиталистических хищников начинает сказываться во всех сферах экономической и культурно-общественной жизни.

Писатель-демократ показал антинародную сущность капитализма, утверждающего благосостояние немногих на основе разорения массы производителей. Знаменательны финальные сцены романа, рисующие пожар города Заполья. Возбуждение толпы во время пожара, угрозы бросить в огонь миллионера Стабровского, а затем народная расправа с мельником Ермилычем даны как законное выражение народного гнева.

Роман «Хлеб» — последнее крупное произведение Мамина-Сибиряка. Наступила новая эпоха русской жизни, исторический смысл которой писателю не был ясен. «Я уже в стороне от российской словесности и стараюсь только быть самим собой», — писал он в 1903 году. Однако в предреволюционные годы Мамин-Сибиряк продолжал создавать образы «озорников», протестующих против неправды.

В 90-е и 900-е годы Мамин-Сибиряк много пишет для детей. Заслуги писателя в области детской литературы высоко оценила дооктябрьская «Правда». В статье-некрологе «Правда» писала: «Его влекла чистая душа ребенка, и в этой области он дал целый ряд прекрасных очерков и рассказов».[14]

Мамина-Сибиряка глубоко интересовали вопросы воспитания детей и детской психологии. «Если бы я был богат, — писал он в одном из писем, — то я посвятил бы себя именно детской литературе. Ведь это счастье писать для детей и чувствовать напряженное внимание тысяч детских головок, которые будут ловить каждое слово и дарить автора своими чистыми детскими улыбками».

Ему было свойственно чувство высокой ответственности перед детской читательской аудиторией. Детские рассказы, по его словам, «требуют особенного внимания, потому что дети — самая строгая публика». Задачу детской литературы, как и всего своего творчества, Мамин-Сибиряк видел в том, чтобы организовать сознание детей и юношества «для борьбы с общественным злом» во имя свободы и счастья народа. В произведениях для детей он изображал в доступной и увлекательной форме самые различные явления социальной действительности, прививал детям чувство горячей любви к родине и народу, учил понимать жизнь природы.

Об остроте и важности вопросов, которые писатель выдвигал перед юным читателем, свидетельствует факт серьезных цензурных гонений против его исторического рассказа для детей «Сударь Пантелей — свет Иванович». Этот рассказ оправдывал борьбу новгородской вольницы против бояр и купцов, против имущественного неравенства и утверждал право трудового народа на свободу и независимость.

Проникнутые высокими гуманистическими идеями рассказы и сказки Мамина-Сибиряка для детей — произведения большого художественного таланта. Они твердо упрочили за ним славу одного из выдающихся русских детских писателей. Об «Аленушкиных сказках» он писал: «Это моя любимая книжка — ее писала сама любовь, и поэтому она переживет все остальное». Его «Емеля-охотник», «Зимовье на Студеной», «Серая шейка», «Аленушкины сказки» — это, бесспорно, классические произведения, известные не только миллионам детей нашей страны, но и детям многих стран мира; еще при жизни писателя они были переведены на многие языки Европы. Количество переводов этих произведений на языки Запада и Востока год от года увеличивается.

Детские рассказы Мамина-Сибиряка — одно из ярких проявлений многогранности его яркого художественного таланта.

5

В период революции 1905 года писатель был тяжело болен и известия о ходе революционного движения получал из третьих рук. Угадывая в фабричном мастеровом новую, значительную силу, Мамин-Сибиряк не понял исторической роли пролетариата. Ему был не ясен социально-исторический смысл революции.

Однако он по-прежнему продолжал трезво оценивать действительность и критиковать тех, кто ждет «милостей» для народа со стороны правительства и господствующих классов «Разговоры о новых веяниях, — говорится в письме от 25 октября 1904 года, — считаю пустяками, ибо никакую свободу даром не дают, а надо ее взять».

Он скептически оценивал конституционные иллюзии либеральной буржуазии («не верю в русскую конституцию и ничего от нее не жду»). Участие в выборах во II Государственную думу приводит его к выводу, что в программах и декларациях буржуазных политических партий нет «ничего интересного». С горькой и злой иронией он говорит о деятельности Государственной думы, куда «набрался пуганый народ», где «мужички слушают и помалкивают до поры до времени. Оторопь берет и животы подводит перед начальством».

Болезнь помешала писателю откликнуться в печати на революцию 1905 года. Как только ему удалось приступить к работе, он начал готовить отдельное издание своих рассказов и выпустил в 1906 году сборник под общим названием «Преступники».

Изданием сборника, в котором поэтизируются сильные люди — «борцы за правду и общее дело», где исторически оправдан протест уральского заводского населения, Мамин-Сибиряк высказал свое отношение к событиям 1905–1906 годов.

После долгого перерыва он выступил в печати в 1907 году с рассказом «Мумма». Этот рассказ представляет собой последний отклик писателя-демократа на важнейшие события общественной жизни.[15]

В условиях, когда либеральные ренегаты вели нападение «по всей линии против демократии, против демократического миросозерцания»,[16] Мамин-Сибиряк встал на защиту демократических традиций шестидесятников.

Проповеднику модных идеалистических теорий и зоологической, ницшеанской философии Бурнашеву в рассказе противопоставлен «богатырь» — шестидесятник Образов со своей здоровой философией и твердой верой в необходимость борьбы

за демократические идеалы. Бурнашев, крайний эгоист и жалкий человек, вызывает отвращение «мыслящих реалистов» — шестидесятников. Авторское отношение к Бурнашеву проявляется в портретной характеристике: он был «какой-то весь сдавленный и съежившийся. Он и говорил такими же сдавленными словами, напоминавшими палый осенний лист. Но всего неприятнее была его покровительственная манера спорить, точно он делал величайшее одолжение каждым звуком своего голоса». Философию Бурнашева и его сторонников один из персонажей определяет как «больничный бред ницшенианства…, политико-экономический мистицизм, безумный эгоизм…, горячечные галлюцинации декадентства».

Писатель-демократ до конца своих дней оставался «самим собой». Не сумев понять и отразить новую действительность в ее полноте и развитии, он твердо заявил о верности демократическим традициям и заклеймил ренегатство изменившей демократизму буржуазной интеллигенции.

6

Значительный вклад внес Мамин-Сибиряк в развитие русского литературного языка. Отбор языковых средств основан у него на глубоком изучении наследия русских писателей-классиков, речи различных слоев современного ему общества и на сознательном использовании типических оборотов и метких слов из произведений устного народного творчества.

Подготовляя материалы своих будущих произведений, писатель намечал речевые характеристики основных персонажей. Талантливые и умные представители народа в его произведениях широко используют пословицы и поговорки, которые придают их речи необходимый колорит, выражают мудрость и опыт трудового народа, показывают силу его ума и наклонность к поэтическому выражению мысли. Иносказательные выражения и намеки пословиц и поговорок позволяют людям из народа вести разговор, не раскрывая до поры до времени перед «власть имущими» своих затаенных дум и намерений; в беседе с друзьями те же средства придают речи необходимую яркость, образность и убедительность.

Мамин-Сибиряк умело использовал языковые средства, принадлежавшие к различным стилям. В зависимости от темы произведения, его основного содержания и от настроения отдельного отрывка, отдельной сцены, в тесной связи с общим контуром того или иного образа он пишет то в стиле строгого, даже несколько приподнятого литературно-обработанного языка, то в тоне непринужденной беседы. Даже в таком маленьком произведении, как, например, рассказ «В худых душах», несколько раз меняется тон повествования и подбор языковых средств. Вот один из выразительных примеров авторского повествования в тоне непринужденной беседы: «Вечером мы долго калякали с попом Яковом, сидя на завалинке во дворе. Говорили о разных разностях и, между прочим, о местных новостях». Страницей ниже, в иной ситуации, автор пишет словами и конструкциями совсем другого стиля: «Только давно это было, много воды с тех пор утекло, а, право, доктор Никашка остается для меня лучшим и самым дорогим воспоминанием, как хороший юношеский сон, смутный и неопределенный, но после которого чувствуешь такой прилив молодых сил».

Диалектизмы, меткие народные слова, образные обороты, профессионализмы автор использует тоже по-разному. Чаще всего они встречаются в речи персонажей. Такие слова и обороты включаются и в авторский контекст, но тут они никогда не

нарушают общего строя обработанного литературного языка, никогда не перегружают фразы и не затемняют ее смысла. Писатель отбирает для авторской речи только такие диалектизмы, которые не имеют вполне равноценных по смыслу слов в литературном языке. Они выражают какой-либо новый оттенок и указывают на особое понимание явления в сознании людей той среды, где родилось и бытует своеобразное слово. Уральское слово «бойцы» вместо «скалы», «утесы» Мамин-Сибиряк вводит первый раз там, где он подробно описывает опасности, которыми грозят эти утесы проплывающим баркам. Слово «бойцы» по сравнению со словами «утесы», «скалы» отразило особенный, частный оттенок выражения опасности прибрежных утесов для сплавщиков.

Рядом с неупотребительными в литературном языке словами писатель ставит синонимы общенационального языка, и это делает понятным не только общий смысл необычного слова, но и его своеобразный оттенок: «Большинство настоящих «бойцов» стоят совершенно отдельными утесами», «барка… успела отуриться, т. е. пошла вперед кормой»; «Так в худых душах и живем: ни живы, ни мертвы, а один страх» и т. д.

Мамин-Сибиряк прекрасно понимал ту силу художественного обобщения, которая так характерна для оборотов русской народной речи.

Вся глубина обобщения, весь круг ассоциаций, которые вызываются многими русскими оборотами, раскрываются иногда в содержании целого рассказа. На этом основано использование народных слов и выражений в заглавиях произведений («Бойцы», «В худых душах», «Летные»). Значение слова «бойцы», например, замечательно гармонирует с содержанием повести, в которой чусовские бурлаки смело вступают в неравный бой с грозной силой природы.

В произведениях Мамина-Сибиряка действуют разнообразные круги русского общества: фабричные рабочие и крестьяне, ветхозаветные скитские старцы и семинаристы, европеизированные буржуазные дельцы с университетским образованием и патриархальные купцы, русские и иностранцы, а также многочисленные представители братских народов, населяющих западное и восточное Приуралье. Автор умеет индивидуализировать речь многообразной и пестрой галереи персонажей, достигая высокого мастерства в передаче коренной русской речи.

* * *

Мамин-Сибиряк не ожидал понимания и признания со стороны «салонной», кабинетной критики, которая, по его словам, держалась за «лохмотья старинной высохшей эстетики». «Критика, — писал он, — бессильна освободиться от прежних рамок и категорий и топчется на одном месте: роман, повесть и т. д., а жизнь творит все новые формы, которые не подходят ни под одну из указанных рубрик».

Он сумел создать глубоко правдивые, реалистические произведения в самых различных жанрах: романы и повести, рассказы и очерки, легенды и драмы, публицистические статьи и воспоминания, этнографические очерки, сказки, газетные корреспонденции. Во всех этих жанрах и видах творчества самобытно и оригинально проявилось его художественное дарование.

Необычайно широк тематический диапазон его художественных произведений. В них обобщен огромный жизненный материал и заключена большая художественная правда.

Гнев и возмущение писателя вызывали декаденты и сторонники «чистого искусства», отходившие от реалистических традиций русской литературы. В отходе от реализма он видел измену литературы ее высоким преданиям, отрыв искусства от жизни народа и как следствие этого отрыва — подражание плохим образцам буржуазной культуры. «Русская литература, — писал он о проявлениях декадентства в искусстве начала XX века, — и не туда идет, и сама не верит собственным словам, и разные новые слова берет с чужой и далекой стороны».[17]

Тесную связь с народом, умение понять и передать богатый и образный народный язык Горький считал одной из важнейших особенностей творчества Мамина-Сибиряка. «Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык, — писал он Мамину-Сибиряку. — Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему.

Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв нам целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам».[18]

В этих замечательных словах М. Горького дана высокая оценка творческой деятельности Мамина-Сибиряка и определено его место в истории русской литературы.

notes

Note1

«Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». Гослитиздат. 1937, стр. 166.

Note2

В. И. Ленин. Сочинения, изд. IV, т. 3, стр. 427.

Note3

Письмо к Н. М. Мамину от 19 сентября 1872 года, ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства).

Note4

Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Note5

Впервые очерк «Сестры» был опубликован К. В. Боголюбовым в 3-й книге альманаха «Уральский современник» за 1952 год.

Note6

Письмо А. С. Маминой от 29 ноября 1894 года. Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И Ленина.

Note7

В. И. Ленин. Сочинения, изд. IV, т. 3, стр. 427.

Note8

М. Е. Салтыков-Щедрин Полное собр. соч. ГИХЛ, т. VIII. стр. 461–462. Рецензия на книгу С. Максимова «Лесная глушь».

Note9

Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Госполитиздат. 1948, стр. 262.

Note10

Неопубликованное письмо Д. Мамина-Сибиряка к Н. Михайловскому от 20 апреля 1900 года. Архив Института русской литературы АН СССР.

Note11

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Статьи и очерки. Свердловск, 1947, стр. 30.

Note12

По старому стилю.

Note13

Речь идет о романе «Падающие звезды», который впоследствии получил отрицательную оценку М. Горького.

Note14

«Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе», стр. 167.

Note15

Рассказ «Нимфа», напечатанный в 1908 году, был написан значительно раньше.

Note16

В. И. Ленин. Сочинения, изд. IV, т. 16, стр. 108.

Note17

Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР. Архив Скабичевского. Ф. 283, Письмо Мамина-Сибиряка к А. М. Скабичевскому от 25 ноября 1908 года.

Note18

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29, 1955, стр. 277–278.